

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИЗАЦИИ УСТНОЙ РЕЧИ

/на основе анализа рассказа В. Шукшина "Раскас"/

К. Куглер

Почти все критики, литературоведы отмечают особый талант Шукшина создавать характер через собственный "голос" героя. В большинстве случаев после нескольких скупых вводных фраз рассказчик как будто уходит за кулисы и начинает звучать диалог то чем-то взволнованных, то о чем-то рассуждающих людей. Описательная часть в его рассказах доведена до минимума и основной организующей силой рассказа становится позиция и слово героя.

Пристрастие Шукшина к диалогичности -- бесспорный факт. Это особое явление объясняют, например, влиянием киноискусства, "органичностью проникновения Шукшина-актера в Шукшина-новеллиста"¹. На наш взгляд, за этим кроется стремление Шукшина и в кино и в прозе создавать образы, предоставляя герою возможность высказаться, как правило, в заостренной житейской ситуации. Шукшин об этом говорит следующее: "В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке -- послушав его. Тут он не сохрет -- не сумеет, даже если захочет"².

О шукшинских диалогах высказано уже немало ценных наблюдений. В данном случае наше внимание привлек несколько иной вопрос: благодаря каким средствам достигается иллюзия подслушанной "естественной" устной речи даже в повествовательной части рассказов и почему же мы слышим некий диалог, когда в рассказе преобладает монологическая речь героя?

Попытаемся в дальнейшем хотя бы частично разгадать, каков механизм стилизации устной речи в словесной ткани отдельного рассказа.

Предметом нашего анализа является рассказ В. Шукшина "Раскас"³, в котором по сравнению с другими его рассказами явно преобладает монологическая речь и "слово героя" реализуется главным образом в особой, письменной форме, в виде его "раскаса", адресованного жене и ее соблазнителю.

На основе лексического анализа "раскаса" мы можем констатировать сниженный, простонародный характер речи персонажа, деревенского шофера, Ивана Петина. В ней широко представлена собственно разговорная лексика /видал, увидал, обзывать, попался, разок, голову потеряла, не укладывается в голове, куда глаза глядят, сели на шею, хворать и пр./⁴, имеется множество собственно просторечных слов /небось, малость, складать, выпимши, засветить промеж глаз, мужик /в значении мужчина/, порушить /в значении разрушить/, угостить /сильно ударить/ и пр./

К экспрессивно-просторечным словам относятся: материть, матернуться, подсыпаться /в значении с подхалимством, с лестью обратиться к кому-л. с чем-л./, пришивать /в значении ложно приписывать что-н. кому-н./, чокнутый, дура, вильнуть хвостом. Перечисленные слова помимо сниженности имеют и грубоватый стилистический оттенок или выражают неодобрение.

Просторечные элементы "раскаса" /включая сюда и просторечные грамматические формы, нелитературное произношение некоторых слов/⁵ придают речи персонажа непосредственную, сниженную тональность, определяют ее простонародный характер. Они имеют, главным образом, характерологическую функцию.

В речи рассказчика встречается 9 знаменательных слов с сильной разговорной окраской: отомкнул, помыслить, уткнуться, неподалеку, напрямиком, только-только, зря, выказал, вовсю. Заслуживает внимания тот факт, что вкрапление в повествование просторечных слов происходит явно под влиянием речи персонажа. Передавая его мысли, рассказчик заимствует не только его точку зрения, но и слова: "не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам..."; "И вот на тебе она оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый, и неласковый." Таким образом, происходит постепенное сближение планов рассказчика и персонажа. Местами "проникают" в повествование не только взгляд, слова, но целые фразы, даже интонация Ивана: "Побыли-то всего с неделю!.." -- говорит рассказчик, но мы слышим удивленный голос Петина.

Стилистически маркированные элементы лексики "сообщают" нам информацию в первую очередь об образовательном уровне, социальном положении, психическом состоянии героя, они способствуют стилизации просторечно-сниженной тональности речи главного персонажа, создают несобственно-прямую речь в повествовании⁶. Каким образом достигается иллюзия спонтанности речи, имитация непринужденного устного говорения -- даже в виде письма /!/ -- на эти вопросы мы надеемся ответить с помощью морфологического и синтаксического анализа текста.

"Раскас" Петина, этот своеобразный рассказ в рассказе, воспринимается как особая форма сказовой манеры, когда устная речь героя-рассказчика, как правило, не носителя литературного языка, реализуется в виде письма, в его понимании рассказа. Его "опус" невольно напоминает нам рассказ Бабеля "Письмо", в котором рассказчик--Лютов совершенно "корректно" регистрирует устный монолог безграмотного мальчика Курдюкова. В обоих случаях достигается максимальное подобие экспрессивной, грубовато-сниженной устной речи, с предельной точностью передается языковая стихия 20-х, 60-х годов в среде малообразованных людей. В данном случае "Раскас" самого Петина обладает особенно богатым речевым материалом, в нем реализуется курьезная форма сказовой манеры, поэтому, мы будем уделять особое внимание прежде всего анализу рассказа-монолога Ивана.

"Раскас" Петина начинается следующими словами: "Значит, было так: я приезжаю -- на столе записка".

Вводное слово значит сразу создает иллюзию устного общения. Рассказчик как будто продолжает начатый уже рассказ, который рассчитан явно на заинтригованных, внимательных слушателей. Употребление исторического настоящего приезжаю также является существенным сигналом устного говорения. Иван -- не владея правилами письменной речи -- пишет свой рассказ так, как говорит сам. Вследствие этого мы получаем сведения не только о случившемся, но и о его малообразованности и о его устной речи. /Иван настолько "точен" в передаче своей речи, что согласно произнесению слитно пишет отдельные слова на столе, передает редукцию

гласных, ассимиляцию согласных: при стрече, конешно, што, пожалуста, щастливая, пирисказывать, бываит и пр., то есть он "придерживается" фонетического принципа письма./

Лаконизм первой фразы сказу подсказывает, что здесь пойдет речь о самом главном, что не терпит никаких лишних слов. Структурно это высказывание легко расчленяется на 3 синтагмы. Раздробленность фразы является сигналом внутренней взволнованности героя.

Рассматривая морфологические особенности "Раскаса", мы можем убедиться в следующем: многие стилистические маркированные морфологические структуры или общеупотребительные морфологические формы со стилистически отмеченными функциями, описанные в монографиях, в тексте рассказа не встречаются. Исторически сложилась определенная система знаков, сигнализирующих о наличии прямой речи в художественном тексте. Такие стереотипные сигналы, как употребление разговорных словоформ, определенных суффиксов, просторечных глагольных форм, допустимых в разговорной речи, также почти не встречаются. Дело в том, что эти маркированные морфологические элементы на фоне кодифицированного литературного языка имеют сниженный характер, сигнализируют об обиходности, непосредственности общения. Эти элементы характерны для устных высказываний носителей литературного языка. Пети на никак нельзя назвать носителем литературного языка, следовательно, и критерии сниженности трансформируются по отношению к герою.

Очень важной особенностью разговорной речи является широкая распространенность уменьшительных суффиксов. Они часто встречаются в художественных текстах при стилизации непринужденности, фамильярности устной речи. В речи нашего героя субъективно-оценочные образования почти целиком отсутствуют, или встречаются рядом с просторечно-грубыми словами, смягчая их отрицательную экспрессию /бабенка, мордочка, дурочка/, что не случайно, поскольку это мотивируется ситуативно и психологически. Ведь об угрюмости, неласковости Ивана уже говорилось в начале рассказа.

Небезынтересно обратить внимание на употребление разговор-

ных, субъективно-оценочных образований в речи повествователя и на их особую стилистическую функцию. В повествовании дополнительное эмоционально-оценочное значение имеют следующие слова: в тетрадку, губы трубочкой, половичок, животик, низенький, полненький, кругленький, частенько. Они не случайно встречаются при описании редактора, редакции. Рассказчик как будто временно заряжается хорошим настроением, добрым расположением духа редактора. Но на фоне настоящего горя Ивана веселый мир редакции переосмысливается, и "веселость" редактора, секретарши подчеркивает несовместимость двух миров. В восприятии Петина этот же "веселый мир" похитил его жену, лишил его счастья. Поэтому обилие указанных субъективно-оценочных суффиксов становится средством отрицательной эмоциональной оценки, выраженном иронии по отношению к самодовольным людям.

При анализе рассказа-монолога главного персонажа бросается в глаза множество местоимений, особенно личных. Мы должны отметить, что помимо того, что частотность местоимений в тексте очень высока, они обладают в большинстве случаев сильной стилистической отмеченностью.

В рассказе Петина местоимения составляют 24 % всех языковых единиц. Эта цифра значительно превышает среднюю частотность местоимений в разговорной речи⁷. Личное местоимение я употребляется в монологе Петина 29 раз. Оно часто стоит в начале фразы и усиливает таким образом сугубо личный, исповедальный характер его речи и одновременно вызывает ощущение задушевной, устной беседы: "... я приезжаю -- настолу записка."; "я бы как нибудь пережил это."; "я ей грубого слова никогда не сказал."; "я все для ей делал." и т.п.

В речи Петина личное местоимение она 16 раз употребляется в именительном падеже и 16 раз в косвенных падежах употребляется в рассказе особую эстетическую функцию. Оно является определенной формой эвфемизма. Иван как будто боится произнести имя жены. Всего один раз, в самом конце рассказа встречается ее имя: "И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернул-

ся." Употребление личного имени именно здесь подчеркивает, дополняет важность данного высказывания.

Во фразе "Нет, этой все в город надо было." личное местоимение заменяется указательным, придавая речи отрицательную окраску. Эллиптичность структуры также усиливает экспрессию, выражая возмущение, недоумение Ивана.

Функциональная перестройка, характерная для местоимений в разговорной речи /в дальнейшем: РР/ реализуется в следующей фразе: "Мне надстраивают такие рога!" Данное морфологическое явление связано с интонацией фразы, ведь в устной речи указательные местоимения, когда они интонационно не выделяются, часто приближаются к частицам, утрачивая свою основную функцию.

Другой пример показывает обратную тенденцию: указательное местоимение получает лексическое наполнение, выражая отрицательную оценку. Слово такие здесь обозначает "плохие люди": "А они есть такие, что может и промолчать про это."

В рассказе в целом и в "раскасе" Петина в частности, кроме местоимений, очень высока частотность незначительных слов. Речь Петина отличается особенно высокой частотностью частиц /их на 1,7 % больше, чем в среднем согласно статистике Э.А. Ключковой употребляется в РР/.

Увеличение числа частиц, союзов, междометий происходит за счет уменьшения числа существительных и прилагательных. Эту особенность распределения частей речи в РР отмечают все исследователи. Она объясняется главным образом спонтанностью, недуманностью речи, т.е. спецификой устной коммуникации, когда предмет речи налицо или конситуативно угадывается, и в случае недопонимания есть возможность для переспроса, уточнения. Незнаменательные слова часто нужны лишь для заполнения паузы, для усиления экспрессии, для поддержания контакта.

По статистике Э.А. Ключковой, количественная представляемость существительных и прилагательных в устной монологической речи 15,3 %-- 2,7 %, в устной диалогической речи 13,5 %--3,5 %⁸. В "раскасе" Петина частотность этих классов слов: 15,38 %-- 4,1 %.

Такое совпадение количественного соотношения существитель-

ных, конечно, случайно, но как тенденция -- примечательно.

Шукшин, подражая живой устной речи, интуитивно угадывает наиболее существенные ее признаки. Одной из таких особенностей является обилие незначительных слов /главным образом частиц/ в РР и их полифункциональность. Дело в том, что эти частицы становятся органической частью синтаксических конструкций, придают им разные модально-волевые оттенки, усиливают экспрессию высказывания, участвуют в формировании интонационного рисунка фразы, выделяя или заглушая интонационно предыдущее слово. Поэтому мы не можем строго отделить морфологический анализ текста от синтаксического. Рассматривая в дальнейшем имеющиеся в речи Петина частицы, мы будем указывать и на их синтаксическую закреплённость. Шукшин, имитируя устную речь, главным образом воспроизводит структурные особенности высказываний, неотъемлемой частью которых являются частицы.

Частица же употребляется в монологе Ивана 9 раз. В вопросительных предложениях она стоит после вопросительных слов, содействует их переосмыслению, вызывает их делексистализацию и при этом усиливает экспрессию высказывания: "Кто же я буду перед мужиком которому я рога надстроил!.."; "Откуда же у ей это пустозвонство в голове?"; "Ну и где же та учеба?". В этих риторических вопросах местоимение и наречия приближаются к частицам, лишаясь исходного лексического заряда. Частица же играет роль и в интонационном оформлении фраз: она акцентирует предыдущее слово, и превращает его в интонационный центр высказывания. В других случаях частица же делает высказывание более категоричным, резким: "Главное я же знаю,..."; "Она же мне надстраивает такие прямые рога!"; "... этими же самыми руками..."; "Ее же плохому-то не учили."

Постпозитивная частица то, столь характерная для разговорной устной речи, также воздействует на интонационный рисунок фразы и усиливает эмфазу. В следующих примерах она интонационно выделяет предшествующее слово, усиливая то логическое, то эмфатическое ударение слова: "Ее же плохому-то не учили..."; "Но зачем совсем то уезжать?"; "Порушить-то ее легко но...".

Экспрессию высказываний повышает и употребление усилительной частицы уж, она делает речь более убедительной: "И я давно бы уж был ударником..."; "Если уж на то пошло..."; "А уж ей самой -- тридцать лет."

Модально-волевая частица ну имеет сильный разговорный оттенок. В наших примерах она побуждает читателя более остро воспринимать выдвинутые аргументы: "Ну не дура!"; "Ну и где же та учеба?". Последний вопрос явно содержит утверждение: такой учебы не существует. Несомненность высказывания усиливает наличие второй частицы и.

К этой категории частиц относится и частица давай, которая следующей предикативной конструкции придает дополнительное значение побуждения и стилистическую окраску сниженной речи: "... я и давай теперь скакать как блоха на зеркале."

Наречная частица прямо также "заимствована" из разговорной речи, где она, как и в нашем примере, "обозначает подлинность и несомненность признака"⁹: "... она прямо щастливая становилась."

Употребление указательной частицы вот особенно усиливает впечатление устности речи. Она делает коммуникативную ситуацию конкретной, почти осязаемой: "... вот она вильнула хвостом, ..."; "но так вот одним разом всю жизнь рушить..."; "И вот пожалуста она...". Частица может порой заменить и жест: "Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками,...".

Рассказывая о жене, Иван Петин передает ее слова следующим образом: "Там говорит меня узнавать будут." Отсутствие знаков препинания "подсказывает", что герой произнес бы эту фразу на одном дыхании. Глагол говорит делексистизируется, превращается в частицу и становится лишь сигналом косвенной речи. Произнесение говорит убыстряется, увеличивая интонационное значение предшествующего слова. Перед нами "образец" устного высказывания.

В русской разговорной речи наблюдается "явная тенденция вводить реплики определенными частицами, часто десемантизованными. Наиболее частотна в этой роли частица а"¹⁰. Текст "рас-

каса" Петина может служить отличной "иллюстрацией" этого явления.

Частица а 10 раз встречается в инициальной позиции в монологе Петина. Она явно лишена синтаксической функции и служит то усилению экспрессии высказывания в вопросительных, восклицательных фразах, как например: "А вдруг она чьянибудь жена?"; то созданию иллюзии связной живой речи: "А ей когда говорили, что она похожа она прямо счастливая становилась."; "А они есть такие што может и промолчать про это."; "А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую?"; "А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал..."; "А потому што это тоже неправильно..." и т.п. Частотность частицы а в рассказе Петина во многом способствует созданию подобия устной, неподготовленной речи.

В этом плане большую роль играет и частица да, которая в разговорной речи участвует обычно в формировании конструкций со значением собственно акцентирования. Она, как правило, стоит в начале фразы, являясь безударной, и употребляется при ответе собеседнику для усиления эмфазы. В монологе Петина частица да создает иллюзию диалога-спора. Его фразы с этой частицей кажутся ответными репликами, в которых она усиливает то возмущение, то угрозу, то раздражение героя: "Да мало ли красивых -- все бы бегали из дому!"; "Да я вас наскрозь вижу!"; "Да черт с ей не вытерпела...". Иван как будто спорит с неизвестным противником, хотя в подтексте, по существу идет спор с женой.

В следующих примерах частица и в инициальном положении употребляется со значением простого акцентирования: "И родителей я знаю..."; "И я давно бы уж был ударником коммунистического труда...". Она явно усиливает эмфазу в следующих непредикативных конструкциях, которые противопоставляются предыдущему высказыванию: "Я ей грубого слова никогда не сказал. И вот пожалуста она..."; "... у меня душа радуется: скоро увижу. И пожалуста: мне надстраивают такие рога!" Употребление частицы и в таких конструкциях -- явный атрибут спонтанной устной речи.

Имитации устной речи героя "способствует" и сам Иван, ведь большое значение имеет и то, что Иван не знает правил правописания, пунктуации и по принципу "пиши как слышишь" он пропускает запятые там, где не останавливается в речи. В результате этого он местами совершенно "адекватно" передает собственную речь.

Следующую фразу Иван, наверное, произносит на одном дыхании: "Они в соседнем селе живут хорошие люди." Перед нами типичная для разговорной речи конструкция, которую Е.А. Земская называет синтаксической интерференцией¹¹, и которая обычно является следствием неподготовленности речи. В высказывании Ивана имеются две предикативные конструкции, которые общее подлежащее они объединяет в одно интонационное целое. В следующем примере общим членом также является подлежащее: "Но она дурочка не понимает: ...". Отсутствие запятых подсказывает, что фраза произносится без деления на синтагмы.

"У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант,.." -- в данном случае к общему подлежащему относятся два именных предиката. Перед нами контаминация двух фраз. Поскольку эти конструкции очень широко употребляются в устной разговорной речи, их сигнализирующая роль об устности рассказа очень значительна.

Один из самых существенных признаков разговорного синтаксиса -- эллиптичность, в которой отражается языковая экономия. Мотивировка эллиптичности в репликах, прозвучавших в стереотипных ситуациях, и исследуемых в монографиях, далеко не тождественна с мотивировкой опущений в речи Петина.

Пропущенные Петиним слова легко восполняются контекстуально и парадигматически. "А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую?" Пропущено определяемое слово семья, но оно фигурировало уже в предыдущей фразе. Опущения Ивана никогда не нарушают смысловое равновесие фраз. Он должен довести свои мысли до читателей и старается по мере своих возможностей быть понятным. Его опущения мотивируются в первую очередь психологически, но кроме того и малограмотностью. В следующем примере отсутствует определитель, но поскольку речь идет о сопернике

Ивана, о котором он боится прямо высказаться, эллиптичность объясняется эмоциональными факторами: "Она всего навсего неделю человека знала, ..."; "А они есть такие што может и промолчать про это." Здесь структурно можно легко дополнить фразу: может быть было бы лучше промолчать про это. Эллиптические конструкции в тексте усиливают экспрессию и оттеняют эффект импровизированной, небрежной речи.

Несмотря на отсутствие некоторых клишированных и типизированных синтаксических построений РР, описанных в монографиях Е.А. Земской и О.А. Лаптевой¹², и на перевес других менее типичных разговорных конструкций, почти каждая фраза в монологе Петина обладает элементом /элементами/, присущим синтаксису устной разговорной речи, и трудно найти фразу, которая не имела бы стилистической маркированности. Отступления речи Петина от норм разговорного синтаксиса объясняются эстетическими заданиями текста и ограничениями, связанными с письменной формой реализации устной речи.

В стилизации устной речи очень большое значение имеет порядок слов. Он во многом подсказывает интонацию речи. Как мы уже видели, интонация зависит от расположения частиц, от наличия специальных экспрессивно-усилительных слов /как, такой, так/, от синтаксических построений. Часто эти факторы дополняют друг друга, усиливая экспрессию речи.

В тексте рассказа стилизуется еще одна особенность разговорного синтаксиса, которая определяет порядок слов в устном высказывании. Это особая форма актуального членения, реализующаяся в РР. В разговорной речи "член /или члены/, наиболее информативно важный /обычно с точки зрения актуального членения он является ремой/, тяготеет к началу высказывания... Такие члены, особенно часто те, которые находятся в абсолютном начале, бывают эмфатически выделены или сильно акцентированы в смысловом отношении"¹³.

В следующих случаях также наблюдается стремление информативно значимых слов к препозитивному, реже инициальному положению. Например, вынос наречия в начало фразы меняет интонационное оформление данной фразы и усиливает эмфазу: "Очень мне счас

обидно, поэтому я пишу свой раскас". В других примерах зависимый член словосочетаний, как правило, оказывается в препозиции, отражая вышеуказанную специфику порядка слов в РР: "гусударство деньги на вас тратила, ..."; "Мы гусударству пользу приносим вот этими руками, ..."; "И родителей я ее знаю, ..."; "Иной рас слабость допустил человек, ..."; "Она всего-навсего неделю человека знала."; "... она там обзываться начала."; "... на десять минут голову потиряла...".

Подчеркнутые слова интонационно выделяются по-разному, в зависимости от того, обладают ли они только логическим ударением или оно дополняется эмфатическим ударением. Во всяком случае они усиливают ощущение устности высказываний.

Е.А. Земская первой особенностью интонации РР считает ее контрастность, то есть колебания темпа¹⁴. Речь Петина порой убыстряется, потом произнесение слов, синтагм, наиболее значимых логически, эмоционально, замедляется. Ощущение запятых свидетельствует о слитном, убыстренном произнесении следующих фраз: "А они есть такие што может и промолчать про это."; "Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потиряла..."; "И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые рога!" и т.п.

Шушкин обладает особым даром стилизовать не только живую диалогическую речь, но и особую форму устной монологической речи, что мы называем драматизированным монологом. Перед нами не традиционная форма сказа, которую В.В. Виноградов называет "повествующим монологом"¹⁵, а взволнованный, эмоционально сильно окрашенный спор. Это спор с женой, с соблазнителем-офицером, это спор с миром, где допускается такая несправедливость по отношению к честному человеку, верному мужу. Многократная адресованность речи выражается в прямых обращениях к предполагаемым читателям и опосредованно -- к жене: "Эх вы! Вы думаете еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу!" В множестве вопросительных и восклицательных предложений продолжается этот "диалог": "Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так?!"; "Не дура

она после этого?"; "Но зачем совсем-то уезжать?"; "И вот пожалуста..." и т.п.

Такая апелляция речи усиливает иллюзию "естественного" устного говорения.

Шукшин владеет всем богатством национального языка, в том числе и простонародной речью. Его обращение именно к этому слою языка объясняется его биографией, личными привязанностями к носителям народной речи, писательскими стремлениями, нравственной позицией, согласно которой надо уважать суверенность каждого и надо высказать правду о нем. Его стремление достигнуть максимальной достоверности изображения и приводит к такому удивительному совпадению звучащей и воспроизводимой им в рассказах устной речи. Он обладает редким даром слышать особое звучание чужого голоса, даже его тембр, оттенки и умеет все это передать в письменном виде. Он никогда не стремится натуралистически "репродуцировать" устную речь, для него всегда самым важным остается характер, человек с его смятением, душевной тревогой, страданием. Ему удается найти те сигналы, те языковые средства, которые наиболее пластично могут имитировать социально и эмоционально мотивированную устную речь. По нашим наблюдениям, основными, наиболее эффективными средствами стилизации устного высказывания у Шукшина являются широкая представляемость и многократная функциональная эксплуатация частиц, имитация актуального членения, характерного для РР, особый порядок слов, отсутствие местами знаков препинания. Количественное распределение частей речи /обилие местоимений, незначительных слов/, соответствующее пропорциям частей речи в РР, и прочие морфологические и лексические средства усиливают впечатление некой живой, звучащей, народно-разговорной речи.

Примечания

1. В.А. Кузьмук. Своеобразие героя рассказов Василия Шукшина. -- Вестник Московского университета. Филология. № 2, 1978, с. 16.
2. Литература и язык. Ответы на анкету. -- "Вопросы литературы", № 6, 1967, с. 149.
3. Анализируемый рассказ помещен в сборнике В. Шукшина "Беседы при ясной луне". М., 1975, с. 245--250.
4. В "транскрипции" Петина: голову потиряла, не укладывается в голове, сяли на шею обществу.
5. Просторечные грамматические формы в "рассказе" Пктина: употребление полной формы прилагательного в роли предиката "Мало ли на кого я похожий...", "Ей все говорили, что она похожая на какую-то артистку..."; неправильный морфологический вариант личного местоимения в косвенных падежах с предлогом у ей, с ей, на ее, для ей и пр. Фонетическим просторечием, т.е. отклонением от норм РР является произношение следующих слов: сяди /сели/, вобщем, обществу, дак /так/, еслив, всяко, наскрозь, тверезый.
6. Т.Г. Винокур такого типа стилизацию называет собственной стилизацией, когда осуществляется "подражание стилистическим особенностям высказывания, принадлежащего к определенной функционально-ситуативной сфере и перенесенного в другую функционально-ситуативную сферу для выполнения экспрессивного эстетического задания". См. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980, с. 200.
7. Соответствующая цифра в отношении монологической речи 19,1 %, в диалогической речи 17,5 %. См. Э.А. Ключкова. О распределении классов слов в живой разговорной речи. -- "Вопросы стилистики". Саратов, 1969, с. 94--95.
8. См. там же.
9. Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 150.
10. Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. М., 1983, с. 157.
11. Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. М., 1973, с. 339.
12. Указанные сочинения и монография О.А. Лаптевой: Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
13. Указанная монография Е.А. Земской 1973 года, с. 382.

14. См. там же, с. 131.
15. "Сказ -- это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это -- художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения". В.В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. В кн.: Поэтика. Л., 1926, с. 33.